

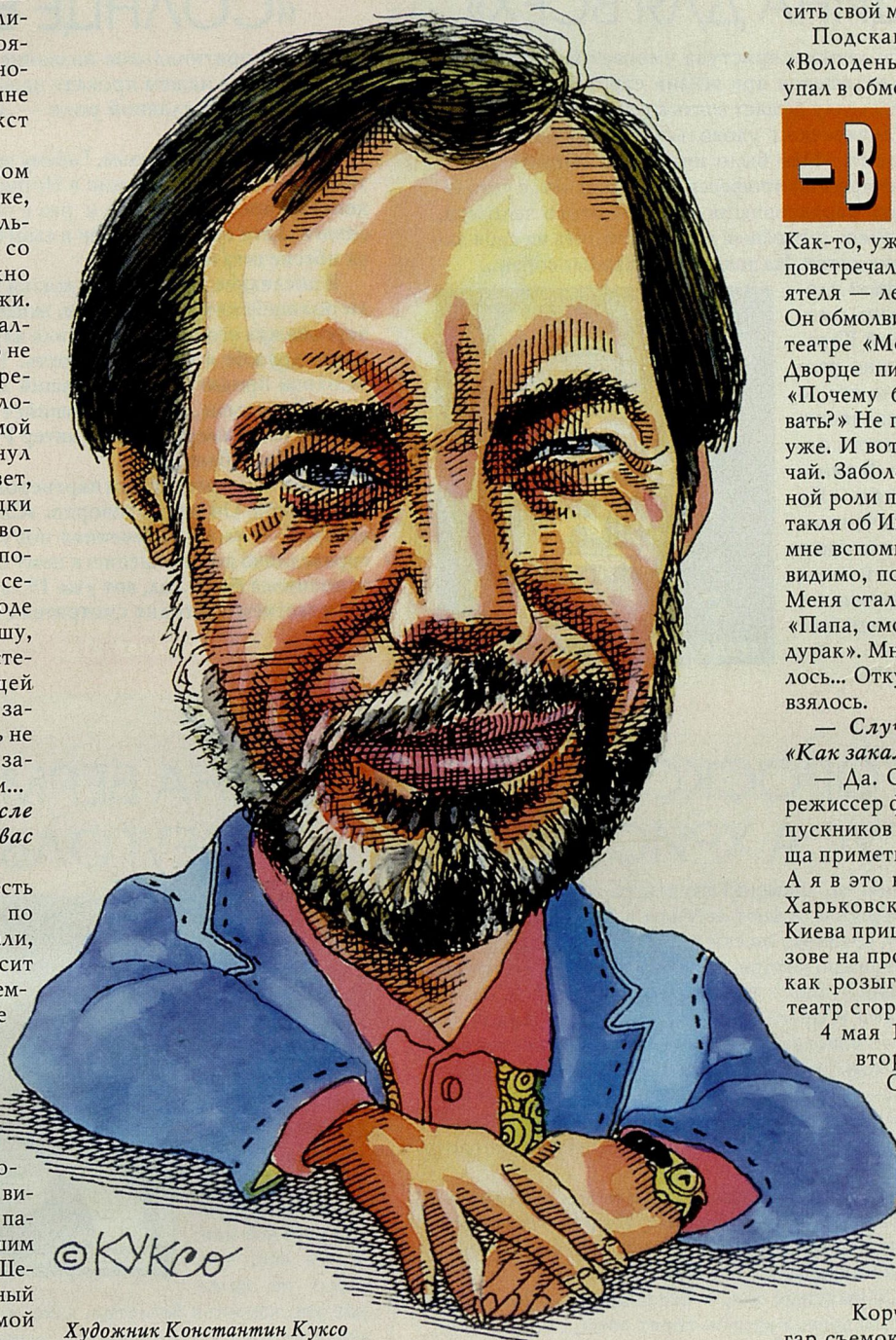
-С детства у меня особое отношение к этому монологу: в школе я его не вызубрил, и учительница в назидание другим вклеила мне единицу. И чем ближе приближался день, когда его предстояло снимать, тем больше волновался. Как сделать, чтобы мне поверили зрители, если текст всем набил оскомину?

И вот завтра рано утром съемка. Жили мы в Шепетовке, в гостинице. У меня был отдельный двухместный номер со странным замком: его можно было открыть только снаружи. Поэтому я никогда не запирался на ночь. Нервничал, долго не мог заснуть. И только задремал, как в комнату кто-то вломился: очевидно, перепутал мой номер с туалетом и захлопнул дверь на замок. Включил свет, смотрю: «гость» мертвецки пьян. Кое-как уложил на свободную кровать. Пытаясь успокоиться, проговариваю про себя тот самый монолог. И вроде начал отключаться, как слышу, мужик поднялся, шарит по стене. Раздался звук журчащей струи. Врубаю свет. «Гость» забеспокоился и стал поливать не только стену. Тут уж я так завопил, что ко мне прибежали...

— Да, какой уж сон после этого... Значит, ночь на вас повлияла?

— Не только... Часов в шесть пошел на грим. А накануне по шепетовскому радио передали, что кинопольня очень просит граждан надеть что-нибудь темное и прийти на кладбище, где будет сниматься очень важный эпизод из фильма «Как закалялась сталь». И люди откликнулись. Меня это очень тронуло. Еду, а мимо на кладбище идут, как говорят, и стар и млад. И вдруг вижу: в самом центре города, у памятника-захоронения погибшим на войне при освобождении Шепетовки стоит какой-то пьяный гад и делает то же, что и мой ночной «гость». И такая обида, такая ненависть меня охватила, что пулей выскочил из машины, бросился к нему и схватил руками за горло. Водитель, здоровый парень, меня оттаскивает. Но я так вцепился в алкаша, что... содрал у него с ноги зашнурованный ботинок...

И вот в таком состоянии меня привезли. Смотрю: наш режиссер Николай Машенко выстроил солдат в буденовской форме, устанавливают камеры. Несут гроб. Стою в сторонке. И вдруг представил, что в том гробу мой самый близкий друг.

Художник Константин Куксо

КОНКИН

На съемках эпизода из знаменитого телесериала «Как закалялась сталь», когда произносил такое знакомое: «Самое дорогое у человека — это жизнь...», — он вдруг потерял сознание...

Слезы брызнули в два ручья. Машенко прерывает съемку массовки и камеру на мой крупный план — я ничего не вижу и не слышу, это мне потом рассказали. И начинаю произносить свой монолог, как во сне...

Подскакивает режиссер: «Володенька, еще дубль». И я упал в обморок...

-В судьбе актера всегда большую роль играет случай...

— Я с детства увлекался историей... Как-то, уже заканчивая школу, повстречал бывшего своего приятеля — лет шесть не виделись. Он обмолвился, что занимается в театре «Молодая гвардия» при Дворце пионеров. Мелькнуло: «Почему бы мне не попробовать?» Не приняли: старый, мол, уже. И вот его величество Случай. Заболел исполнитель главной роли перед премьерой спектакля об Иванушке-дурачке, обо мне вспомнили — внешностью, видимо, подходил. И я сыграл. Меня стали узнавать в городе: «Папа, смотри, вон идет Иван-дурак». Мне это страшно нравилось... Откуда только тщеславие взялось.

— Случай привел вас и в «Как закалялась сталь»?

— Да. Олег Фиалко, второй режиссер фильма, на стенде выпускников Саратовского училища приметил мою фотографию. А я в это время уже работал в Харьковском ТЮЗе. Когда из Киева пришла телеграмма о вызове на пробы, я это воспринял как розыгрыш: накануне наш театр сгорел. И в этот же день, 4 мая 1972 года, приходит вторая телеграмма, из Саратова: у меня родились близнецы.

— Вас пригласили сразу на роль Корчагина?

— Да что вы! На небольшой эпизод. Затем на роль Цветаева — антипода

Корчагина. И уже в разгар съемок, так уж судьба сложилась, Коле Бурляеву и Наташе Бондарчук (Корчагин и Тоня Туманова) пришлось расстаться с картиной. И в конце концов Машенко добился, чтобы утвердили меня.

-Судьба свела вас с Владимиром Высоцким. Каким он больше запомнился? Грустным? Веселым?

— Год с лишним мы вместе работали в фильме «Место встречи изменить нельзя», но, по большому счету, друзьями не были...

Мне легче говорить о других актерах, с которыми сложились близкие отношения. О Владимире Яковлевиче Самойлове, например. В «Отцах и детях» я играл Аркадия Кирсанова, а он — отца Базарова. Это теперь у него буденовские усы, а тогда их приходилось приклеивать. Сидим мы однажды в беседке, ждем, когда солнце выглянет: предстояло снимать обед. Час ждем, два... Страшно проголодались. Наконец операторы командуют: «За стол!». Федька и Петька, их сыграли мои близнецы Святослав и Ярослав, вносят кастрюлю с борщом. Все уткнулись в тарелки и заработали ложками. В разгар обеда папа Базарова поднимает голову. И... мы падаем со стульев от смеха: Самойлов, сам того не заметив, съел свои усы. За усы отвечала девочка-стажер. И поскольку о запасных не позаботились, съемки остановились. Она, бедная, так переживала, что не отходила от Самойлова. Увы, его желудок все переварил...

С тех пор Владимир Яковлевич стал отращивать усы.

-В аш Павка Корчагин — до мозга костей оптимист. И вы такой?

— Господь меня награждает тремя прекрасными

детьми от прекрасной жены — не каждому дано испытать такую радость. Я всегда был склонен к шутке. Я никогда не берусь за работу, к которой не лежит душа.

— Дублируя Рикардо в «Дикой Розе», получали удовольствие?

— От самого процесса работы: мне это было интересно. Хотя давила, угнетала соковыжималка — вкалывали четыре месяца практически без выходных с десяти утра до восьми вечера.

— С театром и кино по-прежнему дружите?

— Вот-вот выйдет на экраны «Бульварный роман» по Пикюлю. Снял его на «Мосфильме» Василий Степанович Панин — это уже наша третья встреча в кино. Только-только в «губенковском» Театре на Таганке состоялась премьера спектакля «Враги» по пьесе Горького, где я занят в главной роли — Захара Бардина. И вот что любопытно: моя жена по пьесе — «Тоня Туманова», Наташа Сайко. После 22-летнего перерыва мы вновь играем вместе.

-А с женой «по жизни» не расставались? Ваша женитьба, я слышал, овеяна дымкой романтики...

— Со своей будущей тещей я знаком на шесть лет больше — она была моей классной руководительницей. Ее дочь Аллу впервые увидел на традиционной встрече выпускников. И сердце мое неровно застучало. Но на взаимность, как мне показалось, рассчитывать было нечего. И только через год, на очередной встрече выпускников, я осмелился к ней подойти... На четвертом курсе мы обвенчались. С тех пор, вот уже почти четверть века, мы вместе.

— Какое место в вашей жизни занимают другие женщины?

— Наша профессия достаточно «женская», что там говорить. Я мужчина и отнюдь не ханжа. Некоторые читательницы журнала «ТВ Парк» ой как хорошо это знают — дай Бог им всем здоровья. Иногда терял

голову, приходилось обратно привинчивать. Но никогда никого не обманывал: не говорил, что все брошу и женюсь.

— Как вы относитесь к такому понятию, как супружеская верность?

— Очень хорошо. Если в это качество своей половины не верить, нельзя жить. Для меня всегда был необходим надежный тыл. Поэтому Алла никогда у меня не работала. Я счастлив, что у меня дети не детсадовские. То, что мои мальчики в 23 года не пьют, не курят, создали себе прекрасные семьи, работают по призванию (они у меня художники-реставраторы), — заслуга моей жены. Ни в каком частном пансионе, ни за какие деньги твоего ребенка не воспитают таким, каким бы ты хотел его видеть.

Теперь Софиюку растим. Причем в воспитании активно участвует Степан — очень умный, очень добрый коккер-спаниель. «Колокольчик» — так зову дочку — любит рисовать. Это у нас семейное. Мечтает стать швеей — какие только наряды своим куклам не понапридумывала! Когда ее Маша «захотела иметь вязаное платье», заказ тут же был дан бабушке, моей маме, она живет с нами. И, разумеется, бабушка немедленно принялась его выполнять.

Готовимся в первый класс.

— Читать умеет?

— Давным-давно. Ужасно горжусь, что первое ее слово было не «папа», не «мама», а «чи-тать», «чи-тать». Услышав это, я был, наверное, самым счастливым в мире отцом.

Борис Ступак

